

В. В. Болотов

Церковная история
1893-94

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. В. Болотов**
Церковная история: 1893-94 / В. В. Болотов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 387 с.

ISBN 978-5-458-07818-4

Написано от руки.

ISBN 978-5-458-07818-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Для драматической повторы истории, как науки, в ней прилагается требование, чтобы она предсказывала события. А человеческое предсказание всегда покоится на знании прошедшего. Так, в физике таким средством является эксперимент, когда человек заставляет повторяться явления и устанавливает взаимную связь между ними, как между причинами и следствиями. И в других науках - наблюдение над событиями совершающимися, и прогресс над зависит от многократности этих наблюдений. На этом основывается астрономия. Наблюдения над луною скоро же вывели картину синодического месяца, время лунных и солнечных затмений. Когда человек узнал о затмениях, его начинала страх, хотя лунный раз светит в светлые дни и ночи не причиняет. Но астрономия, хотя долгое время наблюдает за явлениями, не может похвалиться точностью в них особенно случаясь, когда замечено бывает множество ошибок: до сих пор не удалось еще написать точной таблицы лунной.

Позднее астрономы овладевшие предсказательством достигли совершенства в своей науке и вполне закончили свою работу; но предсказательство лунное - и его таблица уже не совпадает с действительностью, прилагается в ней делать поправки (в настоящее время таблица лунная существует до 200 и, следовательно 200 раз происходила поправка над) Ибо, что и астрономические показания бывают несовершенными. Если же в астрономии точные предсказания не удаются, то тем более человек.

нам ожидать — историка. В каждом ин-
 дивидууме, в каждом обществе кроется та-
 кая масса приливов, что выяснить нам сполна
 не удастся историком. Наблюдения надъ настоя-
 щимъ представляютъ болѣе удобствъ, чѣмъ
 надъ прошедшимъ. Въ современной говоримый
 и многопечатной отъюль можно было бы ожи-
 дать, что событія будутъ освѣщены во время:
 все теперь предается гласности, но всецѣмъ при-
 готовляеишя заблаговременно. Однако важное вели-
 кое событіе пораждаетъ насъ своєю неожиданно-
 стью; деятельность выдающагося геловѣка (гени-
 альнаго) заявляетъ о себѣ совершенно неажиутан-
 ми для насъ сторонами и въ его характерѣ мы
 замечаемъ необыкновенныя черты: непонятную
 причину настоящаго оказывается постытъ труд-
 но. Въ деятельности индивидуума много про-
 тиворѣчій, талъ что его внутренняя жизнь фан-
 тазия наблюдений. Исследовать причину связь
 событій въ прошедшемъ еще труднѣе, это равно-
 сильно предсказанію будущаго, ибо кто предска-
 зываетъ будущее, тотъ способенъ угадывать со-
 бытія и въ прошедшемъ. Естественно является
 вопросъ: достигнута ли для историка ея высокая за-
 дача? Въуь самосознаніе народа великая сложность.
 Надо быть чуждену въ ходѣ событій, чтобы выска-
 зываться о ходѣ ихъ въ народномъ самосознаніи.
 Самосознаніе является для историка какъ соответ-
 ствующее прибавленіе къ событіямъ. Ишь собы-
 тія освѣщаются, но въ самыхъ событіяхъ оно не
 дается. Изъ событій приходится извлекать само-
 сознание, а не брать какъ готовую величину. Поэто-
 му должно имѣть силу и простѣйшее отгудьме-
 ніе исторіи, какъ повѣствованія о замѣтатель-

ныхъ событіяхъ, замѣтаемыхъ уже гдѣмъ, илю-
 люди ихъ замѣтили. Историкъ ограниченъ мате-
 ріаломъ предшественниковъ. Несомненно, все поко-
 ится на предположеніи, что событія отразились
 въ умахъ современниковъ (или лучше въ умахъ писа-
 теля) такъ, что дали въ немъ прѣкрасную кар-
 тину. Вообразимъ, что Геродотъ, Фукидидъ и др.
 имѣли несчастную слабость все величье и важ-
 ное считать меньшимъ, а отпаивать вниманіе
 на пустомъ; тогда ихъ повѣствованіе утра-
 чиваетъ значеніе, какъ повѣствованіе о славномъ.
 А никто не гарантируетъ отъ возможности,
 что повѣствованіе писателемъ таково. Историкъ,
 строя историческія требованія обнаруживаютъ
 неудовлетворительность малыхъ данныхъ. Древнѣй-
 шія (повѣствованія) историкъ сводятъ къ повѣство-
 ванію о цузяхъ съ указаніемъ въ счислахъ го-
 довъ и нигде не говорятъ о народахъ. Если это
 возможное возраженіе человекъ отужаетъ изъ
 виду, то къ обработкѣ исторіи есть другая пу-
 тина. Исторія какъ наука, не стоитъ въ осадѣ-
 ній; если бы она была только эмпирической. Но усе-
 ловныхъ есть потребность въ фактахъ соотвѣтствен-
 ными. Они требуютъ новаго для истинной
 жизни; и, ступаясь впередъ: это новое, пускается
 въ изученіе древностей, ибо они не только и из-
 учивать объ интересахъ новизны. Уже потомъ,
 ступаясь на любопытство, они могутъ ставить
 научные вопросы и задачи. Но эти задачи не дол-
 жны быть слишкомъ широкими. Прежде всего
 надо знать факты и точно знать ихъ. Часто
 обходятъ ихъ много и угадывать по нимъ ходъ со-
 бытій съ точки зрѣнія напередъ самозна-
 нія нельзя. Человекъ въ историческомъ работѣ-

9

Это будет не болель, как скатывающаяся долина, не поезда. Первые две цифры представляются из себя число 14; следующие две удваивают 14 т. е. 28; далее опять удваивается сумма 28. Очевидно, если смотреть в истории приходится проследить со бытия положительная и, или или, при наступлении 28. Если бы увидели сумму и следы цифр, тогда предсказание становится возможным. Вот почему при всей недовольственности настоящего поколения историей, всетаки возможно стремление к ней не как к примитивное жеманье знание новое, что может быть стремление научное в смысле утешения. Здесь важно прежде всего полное соблюдение фактов и как твердая постановка. Работа историка больше всего может быть сравнена с положением судьи, разбирающего дело и с положительным свидетелем. Из всего он должен извлечь точные показания. Но важным в данном уравнении то, что судья должен работать по особым законам, отличным от законов логики. Судья должен иметь чувство меры. Безотносительное руководство формальной логикой никогда не позволило бы ему решить хотя одно дело. Он всегда должен бы был отступить виновного со словами: „non dico“. Но судья судит, потому что он должен произвести что-либо ответственное, т. е. виновный или не виновный подсудимый на основании именно этих недостатков данных. Здесь ему помогает обычная практика: судья должен знать логический переход, он должен знать, на какой стороне лежит *modus probandi*. В самом деле, если возможно, что судья обратит внимание на обвиняемого то он тогда бы его, потому что пол-

9.10

наго обвинения нельзя было бы произнести. Наоборот, если бы он предъявил требования к какой-нибудь отрицательной подсудимости, то подсудимый никуда не свих бы виноватым. И вот тут чувствительнее ощущается тяжесть улик: он обвиняет подсудимого или оправдывает. Положим, человек пришел бы доказывать право собственности, какого-нибудь предмета. По закону можно было бы отобрать от человека его законную собственность, потемку что никто никаких доказательств, которые бы доказывали, что изысканный предмет или вещь действительно принадлежит заявляющему на нее свои права. Всякий блудит в собственности без документов и свидетелей. В исторических вопросах и эти приходы иль быт было со свидетелями и недостаточными. Хотим предъявить самую строгую требование научной критики, тут которые изысканные свидетельства могут быть все недостаточными. Но очевидно, что этого не может предъявить историк по профессии, а какой-либо посторонний человек. Можно высказать даже такое суждение: сам известный исторический памятник подозрителен, то лучше и не пользоваться им; зато историк представляет достаточные уроки, когда задобрившие памятники оказывались вторыми. Такое мощное предъявление напоминает собою логику доктора, который советует своему пациенту воздерживаться от пищи, сам он не может пользоваться чистой водой. И историк во всяком случае уметь руководствоваться не строгими историческими законами, а обычными эмпирическими тактами; и сомнительное принимать и доста-

Handwritten signature

8. 10.

является не как архитектура, а как реализация, упирающаяся в выводимые арки, охватывающиеся на пилястрах, которыми в данном случае являются факты, засвидетельствованные историей. Далее, построение типовых процессов, упирающихся в устойчивые факты и упирающиеся в связи между ближайшими событиями. Понятие истории, как представления о народном сознании не может быть удовлетворено, ибо цикла событий не существует. Существует ли цикл событий это вопрос, быть может, всей жизни человека. Если существует один цикл событий, то тогда предположения в строгом смысле быть не может. Если же и существует выполнение научного стремления, то оно зависит на больше скрупулезном подходе. Не всегда возможно изучить очерта ния всего круга. Часто приходится довольствоваться изучением одного только сегмента. Но раз изучен сегмент, можно изучить и весь круг. Изучение сегмента, таким образом, всегда по познанию и всего круга. В наблюдениях над циклами событий повторяется тоже самое, и научное упование истории может быть представлено в таком виде. Возьмем для примера периодическую дробь $0,142857142857$ и т.д. До сих пор пока периодическая дробь не выразится в повторении цифр, можно находиться в затруднении (недоразумения). Эта дробь - периодическая и представляет из себя ряд из цифр. Пока слово не переключится из цифр, оно не знает, что цифра лишь совершаемая. Но когда цифры повторяются, оно понимает, что цифра имеет значение. Но и прежде у него есть возможность не которого предсказания о третьей цифре. Но

142857

вѣрное отвѣратъ въ виду ихъ отношенія къ всей ми-
 рѣ фактовъ. Историкъ было предъявлено требованіе
 чтобы онъ писалъ только истину; разумеется,
 это требованіе блонне всего относится къ ис-
 торикъ бытописателю, записывающему свои
 (историческія) наблюденія. Но оно можетъ быть
 уместнымъ и по отношенію къ историкъ въ сту-
 пень сивиса. Исторія, какъ наука, безспорно спо-
 зина слѣдовать истинѣ. Но философія, богословіе
 также не свободны отъ этого требованія. Аона
 можно усмотрѣвать личность въ предъявленіи
 этого требованія именно къ историкъ Бисер-сви-
 дѣтель, освѣдѣсь. Если показанія свидѣтелей
 ны, полагаются и выводы ложны. Въ системѣ
 мичекавъ наукавъ лопъ сама собою козничка.
 (въ сивиса - неправильное заключеніе являет
 истривильный свѣдѣль ивъ посылка) У celo-
 бѣкъ, ослабляющій здравый сивиса можетъ
 оі кѣтъ неправильность вывода. Въ историкъ
 дѣло идетъ о фактака. Если фактическая ст-
 рона изложена нестерко, тогда лопъ возможно
 сти пурогростъ и выводъ. Тутъ пурогростъ до
 кументальная достоверность фактовъ и точная
 перекака. Тутъ наоситъ ударъ субъектив-
 му въ историкъ. Но съ уанномъ сивиса нужно отли-
 чить субъективизмъ отъ субъективизма въ обик-
 номъ сивиса. Всякій человекъ субъективистъ,
 такъ какъ все со мѣкамъ показатъ на его су-
 стивный субъектака. Не смотря на это, ист-
 рикъ все же не менше возможности обладать
 объективностью историческою. Не нужно только
 при этомъ сивиса два вида субъективности.
 субъективности сивиса и субъективности понка
 и представлѣній. Можно расааитъ въ мичекака

каждого, о ее пригодности, удобстве или неудобстве такого ее устройства и т.п., но никто не усомнится в ее существовании, в ее жизнеличности, разных украшениях. Это историка только и требуется, констатирование фактов, в них и заключается гарантия исторической объективности. Далее, историк должен говорить свидетельствами писателя, которыми он пользуется, не пропуская ничего и не упрощая. Объективность в данном случае сопоставляет первую стадию объективности судей. В настоящее время историей слабо отчитываются статистические данные в исторической области. Когда люди пользуются открытыми памятниками, они руководятся ими, сообщают, что в нем есть; открывается новый памятник - работа идет в предельных этого документа. Необходимо, для успеха дела - свести все к единству: показать, сколько раз и у кого есть свидетельство об известном факте. Подобная рода статистика еще не производилась. Если бы палеонтологический вопрос свести на почву статистики, то богословские пререкания или прекратились бы, или сошли бы на почву, на которой можно бы решить правоту сторон. Если палеонтологическая существенным является то, что в древней царьке ее признавали и к ней обращались в судебных делах; если бы историки указали судам обращения за судом к палеонтологической власти, сколько годных случаев засвидетельствовано историей, то подобная статистика была бы лучшим опровержением и заставила бы умолкнуть возражающих.

(Объективизм в истории, понимаемый в смысле твердого констатирования исторических

фрактовъ, не представляють собою невозможности. Нужно точно различать две стадии историческаго развитія, — одно было конституировать факты, другое — объяснять ихъ истинною причиной. Въ твердаго конституирования фактовъ зависитъ такое же твердое сужденіе. Для изучающаго исторію становится ясно, что въ бытіи факты конституируются обусловленное послышаніемъ, и что та часть, которая обусловливается собственными (субъективными) воззрѣніями историка на историческія явленія. Конфессиональный элементъ въ исторіи можетъ признаваться съ объективизмомъ, потому что историческій конфессионализмъ не свѣдѣетъ тому, что не соответствуетъ стремленію историка — узнать действительно происшедшее. Ни одно изъ христіанскихъ исповѣданій не утверждаетъ, что историческія событія совершались силой безгрѣшныхъ, говоря, что одинъ Богъ безъ грѣха. Нужно это помнить. Грѣшно называть черное — бѣлымъ, а бѣлое — чернымъ. Католическій папскій доказываетъ тотъ фактъ, что арианская столица была разгромлена за грѣхи, думая темъ услужить святой католической церкви. Всякій католикъ пойметъ, какъ безнестина эта теология. Ранги остаются фактами. Иерусалимъ, при управленіи Свироніе не отсутствовавший въ неврахованіи, былъ взятъ арабами, и тотъ добросовѣстный историкъ, который объявилъ бы это наказаніемъ за грѣхи, былъ бы поставленъ въ безнравственное положеніе подобнаго рода конфессионализмомъ. Истинный конфессионализмъ долженъ отразиться въ томъ, чтобы послѣдовательно каждаго въ ро-

исповеданиям слов читать историю с интересом. События должны быть освещены с возможной полнотой, — но это не значит, что исторические подробности будут изображены блестяще. Кто знает историю, тот видит, что в историю дьяво или не всегда честно. В отношении к именам особенно важно различать свою точку зрения и точку зрения противника. Для каждого в историческом важном, чтобы те явления, которые служат прецедентами его, вообще признавались основными и наиболее близкими к идеалу христианства. Историческая задача сводится к тому, чтобы знать как можно больше фактов из эпохи, выделяя, при этом, не высдерживающие критики. Выполнение первой задачи требует терпеливости, историк должен быть проникновеннее всего партийности. При сборе фактов и критике фактов имеют значение и разного рода пособия. Под пособиями следует разуметь науку вспомогательную, которая, не составляя истории, является средством в руках ученого историка. Значение как неодинаково. При предположении, что дьяво идея в сборе и критике, эта наука генетически распадается так, что в первой из них следует упомянуть о дипломатике. Историк должен знать основной критерий для оценки, чтобы судить о событиях по их внешности. Дипломатика (дипломатия), от которого происходит дипломатика, называется документ, складывавшийся вдвое (дипломатия). Когда византийские императоры знавали кого-нибудь в высокой сан (из консулов), то попытали цель эти, складывавшиеся вдвое книжки — дипломатия (?). Книжки